

На правах рукописи

Федотова Надежда Леонидовна

**ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
ГЛАГОЛОВ ПЛАВАНИЯ И НАЗВАНИЙ ВОДНЫХ
ПРОСТРАНСТВ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации

(самодийские языки: селькупский язык)

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,

типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре Романо-германской филологии
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования Томский государственный
педагогический университет

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Жукова Нина Степановна

Научный консультант: доктор филологических наук
Норманская Юлия Викторовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Мызников Сергей Алексеевич
кандидат филологических наук
Гусев Валентин Юрьевич

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук Институт
востоковедения РАН

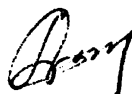
Защита состоится «10» ноября 2010 г. в 13 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.006.01 по защитах диссертаций на
соискание ученой степени кандидата филологических наук в Учреждении
Российской академии наук Институте языкознания РАН по адресу:
Москва 125009, Б.Кисловский пер., д. 1
Тел.: (495) 690-35-85
E-mail: iling@iling-ran.ru
Факс: (495) 690-05-28

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения
Российской академии наук Института языкознания РАН по адресу:
Москва 125009, Б.Кисловский пер., д. 1.

Автореферат разослан «7» октября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,

доктор филологических наук

П.П. Дамбуева

Предлагаемая диссертация посвящена семантическому и сравнительно-историческому анализу системы глаголов плавания и наименований водных пространств в селькупском языке.

Актуальность проведенного исследования обусловлена следующими причинами. Во-первых, в настоящее время языки малочисленных народов Сибири, к числу которых относится селькупский язык, находятся на грани исчезновения. В связи с этим растет необходимость фиксации языковых данных исчезающих языков. По данным ЮНЕСКО на сегодняшний день осталось не более 600 носителей северно-селькупского диалекта, что составляет немногим менее трети численности этой группы (1833 человека по данным переписи 1989 г.). Возможно, эти цифры значительно преувеличены. По нашим экспедиционным данным в настоящее время осталось менее 10 носителей южно-селькупских и центральных диалектов, которые значительно отличаются от северно-селькупского на всех уровнях языковой системы.

Во-вторых, историческая семасиология самодийских языков является принципиально новой областью исследований. Представляется, что развитие этого направления позволит получить принципиально новую информацию о причинах и направлениях семантических изменений, что в свою очередь важно как для праязыковой реконструкции, так и для прогнозирования будущих изменений значений рассматриваемых слов.

Рассмотрение глаголов плавания и названий водных пространств с точки зрения генезиса и развития этих систем от прасамодийского языка к современным диалектам ранее не проводилось.

Теоретическая новизна работы состоит в применении к глаголам плавания и названиям водных пространств метода «прогнозирования языковых изменений», позволяющего выявить причины, вызывающие изменения этих систем и спрогнозировать развитие рассматриваемых лексических полей в дальнейшем.

Цели работы:

1) синхронное описание систем глаголов плавания, названий водных пространств в нарымском диалекте селькупского языка (говор обских чумылькупов);

2) реконструкция прасамодийской системы глаголов плавания, и названий водных пространств, анализ их изменения от прасамодийского языка к современным селькупским диалектам.

В соответствии с этими общими целями в работе были поставлены и решены следующие **наиболее важные задачи**:

1) сбор полевых материалов по глаголам плавания и названиям водных пространств в нарымском диалекте селькупского языка (говор обских чумылькупов);

2) этимологический анализ указанной лексики в селькупском языке;

3) сбор материала по глаголам плавания и названиям водных пространств во всех остальных самодийских языках;

4) сведение собранного материала по самодийским языкам в таблицу (таблицу для глаголов плавания и таблицу для наименований водных пространств в самодийских языках), применение к данному материалу методов семантической реконструкции.

Теоретическая значимость представляемой работы:

1. Впервые семантика глаголов плавания в самодийских языках была рассмотрена в диахроническом аспекте. В результате анализа были выявлены происходящие при развитии от праязыка к дочерним языкам изменения системы глаголов плавания, и на материале лексики тазовских и нарымских селькупов показана зависимость данных изменений от способа ведения хозяйства.

2. Впервые системно реконструированы названия водных пространств для прасамодийского языка, проанализированы изменения этих систем от прасамодийского языка к современным селькупским диалектам.

Практическая значимость работы:

Собран новый полевой материал по наименованиям глаголов плавания и водных пространств в нарымском диалекте (говор обских чумылькупов) селькупского языка, который может быть использован для составления полного селькупско-русского словаря. Предложен семантический анализ указанных лексических групп в селькупском языке, ряд новых этимологий и уточнений к уже существующим этимологиям. Документация по всем

рассмотренным этимологиям может быть использована при составлении прасамодийского этимологического словаря.

Различные положения и результаты работы апробировались на следующих научных конференциях:

1. Международной конференции «XXV Дульзоновские чтения», Томск, ТГПУ, 26-29 июня 2008 г.
2. Международном конгрессе по когнитивной лингвистике, Тамбов, ТГУ, 8-10 октября 2008 г.
3. Международной научной конференции на тему «Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология», приуроченной к юбилею зав. отделом Урало-алтайских языков, члена-корреспондента РАН А.В. Дыбо, Москва, Институт языкознания РАН, 4-7 июня 2009 г.
4. Четвертая Международная конференция по когнитивной науке, Томск, Томский государственный университет, 22-26 июня 2010 г.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Содержание работы

Во Введении обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируются цели и задачи, указываются научная новизна и практическая значимость.

Глава 1. История вопроса и методы исследования

Селькупский язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Селькупский, камасинский и маторский языки традиционно выделяют в южно-самодийскую подгруппу, а ненецкий, энецкий и нганасанский языки – в северную. Однако стоит отметить, что выделение южно-самодийской подгруппы основано не на общности между данными языками, а на негативном признаке отсутствия в них некоторых структурных и лексических черт, присущих северно-самодийским языкам.

Е.А. Хелимский выделяет 4 отдельные ветви самодийских языков [Хелимский 1973]:

- 1) селькупский язык;
- 2) северносамодийские языки (энецкий, ненецкий, нганасанский языки);

- 3) камасинский и койбальский языки;
- 4) маторский язык, карагасский и тайгийский языки.

Прасамодийская общность, предположительно, раскололась в результате натиска гуннов во II в. до н.э. Часть самодийцев (северносамодийская общность: предки ненцев, энцев и нганасан) была оттеснена на север, а часть (предки селькупов) – на северо-запад [Хелимский 1973; Хелимский 2000: 22].

По мнению Е.А. Хелимского, прародиной самодийцев предположительно является регион между Средней Обью и Енисеем, ориентировочно вокруг треугольника «Томск-Красноярск-Енисейск». Данная территория могла включать также ряд сопредельных территорий, среди которых северная часть Обь-Иртышского междуречья, северный Алтай, Присаянье, территории к востоку от среднего Енисея, бассейны Сыма и Ваха [Хелимский 2000; Напольских 1997]. Интересно отметить, что некоторые исследователи связывают кулайскую культуру (500 лет до н.э. – 500 лет н.э.) в Среднем (Сургутско-Нарымском) Приобье с прасамодийским этносом [Чернецов 1973; Могильников 1983; Чиндина 1984, 1985; Хелимский 2000].

Сегодня большая часть самодийских языков находится на грани исчезновения. В соответствии с классификацией исчезающих языков малочисленных народов Российской Федерации А.Е. Кибрика селькупский язык, по степени его «жизнестойкости» и опасности исчезновения, в 1992 году входил в четвертую из пяти предложенных им групп, от находящихся на грани вымирания (первая группа) до использующихся в каждодневном общении небольшими этническими группами (пятая группа) [Кибрик 1992]. Однако данная классификация была предложена более пятнадцати лет назад, за это время произошли существенные изменения в социальной и лингвистической ситуации селькупов.

По результатам экспедиции в Парабельский район Томской области (проведенной нами в марте 2009 года), количество оставшихся носителей чумьлькупского говора нарымского диалекта селькупского языка, проживающих на территории Парабельского района (Томская область), составляет не более 3 человек. В настоящее время этот язык, по-видимому, следует уже переместить во вторую группу («языки, подверженные непосредственной

опасности вымирания» [Кибрик 1992]). По данным ЮНЕСКО в северной группе селькупов на сегодняшний день осталось не более 600 носителей селькупского языка, что составляет немногим менее трети численности этой группы (1833 человека по данным переписи 1989 г.). Возможно, эти цифры очень преувеличены.

Современные представители селькупского этноса живут в Томской области (по притокам р. Обь: Тыму, Васюгану, Кети, Парабели, Чае, Чулыму), а также на севере Тюменской области и Красноярского края (на р. Таз и по притокам Енисея: Турухану, Баихе и Елогу). Насчитывают 6 основных диалектов селькупского языка: 1. северный (носители которого проживают на реках Таз, Пур, Турухан, Баиха, Елогуй); 2. тымский (р. Тым); 3. нарымский (р. Обь с ее притоками р. Парабель, Васюган); 4. кетский (р. Кеть); 5. обский (в районе с. Колпашево, Томская область); 6. южный (р. Чулым) [Хелимский 1984].

Данные диалекты можно разбить на три группы: южные (кетский и обский), средние (или центральные: тымский и нарымский), и в отдельную группу выделить северный диалект (тазовский). Определяющую роль в таком членении на диалекты сыграло разделение в 16-17 вв. селькупской языковой общности на две крупные и почти полностью изолированные друг от друга группы – северной (тазовско-енисейской) и южной (тымско-нарымско-кетско-обской).

Настоящая работа посвящена реконструкции системы прасамодийских наименований водных пространств и глаголов плавания, а также диахроническому анализу изменений при развитии данных систем от прасамодийского к современным самодийским языкам.

Впервые задачу системной реконструкции лексического фонда на материале славянских языков поставил Н.И. Толстой [Толстой 1963; 1964; 1966; 1969]. Существует также интересная работа Л.Г Невской [Невская 1974], в которой представлен подробный сопоставительный анализ балтийских и славянских наименований болот. Автор указала ряд семантических дифференциальных признаков, конструирующих наименования болот в славянских и балтийских языках [Невская 1974: 160]:

1) размер: большой / малый;

- 2) степень заболоченности: сильная / слабая;
- 3) местоположение: лес / луг, поле / берег реки / родник / гора / берег озера;
- 4) наличие растительности: лес, кустарник, тростник, трава, мох / отсутствие растительности;
- 5) физические свойства болота: вязкое, топкое / зыбкое;
- 6) характер болотной почвы: торфяная / илистая / ржавая.

Л.Г. Невская (см. [Невская 1974: 157-160]) предлагает конструировать модель семантического поля 'болото' на основании дифференциальных признаков. Данные признаки выявлены в результате анализа лексем, значения которых противопоставлены по одному признаку хотя бы в одном говоре. Таким образом, составлен список признаков, в котором некоторые из них характерны для всех или большинства говоров, а другие – только для одного или нескольких говоров. На основании выделенных оппозиций конструируется модель семантического поля 'болото'. В таблице, построенной на основании данных признаков, лексический материал распределен по каждому исследуемому говору. В результате сопоставления говоров с наддиалектной моделью выявляется разница между говорами и делается вывод о «богатстве» или «бедности» семантического микрополя 'болото' в том или ином говоре, а также о том, какой «вклад» вносит каждый отдельный говор в географическую терминологию.

Некоторые из перечисленных признаков (местоположение, наличие растительности, физические свойства) выражены в селькупских наименованиях болот (см. текст диссертации Глава 3.3).

Основополагающим исследованием, посвященным систематическому анализу изменения значений в диахронии и реконструкции семантики, является монография А.В. Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии» [Дыбо 1996]. На материале лексики, обозначающей соматические термины в алтайских языках, показано, что при изучении лексического значения слов в истории языка следует анализировать не отдельно взятые лексемы, а лексико-семантические группы слов, анализ которых позволяет наиболее точно установить первоначальные значения реконструируемых лексем праязыка. Лексемы, покрывающие

некоторую семантическую область, образуют систему взаимодействующих между собой значений. В ходе развития лексико-семантической группы изменение значения одной лексемы может повлечь за собой изменения в значении других лексем.

В упомянутой работе предложен ряд дополнительных критериев, которые позволяют не только выявить, являлась ли праязыковая лексема цветообозначением, но и уточнить ее значение в праиндоевропейском языке.

Представляется, что применение подобного алгоритма к реконструкции семантики чрезвычайно плодотворно и может быть в общих чертах спроецировано на семантическую реконструкцию других областей лексики, в частности на глаголы плавания и наименования водных пространств.

Существует весьма небольшое количество работ, посвященных исторической семантике на материале уральских языков, большинство из них посвящены лексике природного окружения, реконструкция которой может оказаться релевантной для верификации местоположения прародины, ср. [Manninen 1934; Sebestyén 1935; Sebestyén 1941-1943; Toivonen 1953; Напольских 1997].

В настоящей работе при исследовании семантики мы опираемся на подход, при котором анализу подвергаются регулярные семантические переходы в истории развития языков. Данный подход впервые был применен к материалу уральских языков в работе Ю.В. Норманской [Норманская 2007].

В работе [Норманская 2006], вслед за работой «Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов»» [Зализняк 2001], подчеркивается необходимость создания классификации семантических переходов. Подобная классификация представляет важность, как для этимологических исследований, так и для разработок по синхронной семантике. При написании новых этимологий данная классификация может позволить верифицировать семантику реконструируемых лексем [Норманская 2006: 387].

Синхронные системы глаголов передвижения по водным пространствам в разных языках мира описаны в книге [Рахилина, Майсак 2007]. Всего в ходе проекта было исследовано более 40

языков, представляющих самые разные языковые семьи и ареалы, оказавшиеся доступными для детального исследования.

Сегодня лингвисты подчеркивают необходимость поиска и глубокого изучения семантических противопоставлений и выделения семантических «параметров вариативности» [Рахилина, Майсак 2007: 13] в различных областях лексики языков мира. Ключевым противопоставлением в области плавания авторы книги называют противопоставление активного и пассивного плавания. Между активным плаванием человека и нахождением на воде какого-либо предмета в разных языках может быть выстроена шкала значений, в зависимости от того, насколько «богата» система глаголов плавания в том или ином языке. Разные языки членят данную шкалу значений по-разному, поэтому можно выделить языки с «бедными», «средними» и «богатыми» системами глаголов плавания. См. [Corbett 2000; Рахилина, Майсак 2007].

Если говорить о самодийских языках, то стоит отметить, что у северных народов не принято передвигаться вплавь. Селькупы, нганасаны, энцы и ненцы крайне редко двигались по водоемам вплавь. Однако системы плавания в самодийских языках нельзя назвать «бедными». В каждом из самодийских языков (селькупском, энецком, ненецком, нганасанском), кроме основного глагола, выражающего активное плавание, есть особый глагол пассивного плавания, а также глагол, описывающий перемещение на традиционной лодке. Селькупский язык занимает особое место среди самодийских языков, потому что обладает наиболее богатой системой глаголов передвижения по водным пространствам.

Задачей диахронической семантики также является поиск причин, по которым определенные изменения имели место в истории того или иного лексико-семантического поля, а также возможности предсказания изменений, возможных в данной лексической области в будущем. Представляется, что работа в этом направлении чрезвычайно важна. Она позволяет не просто описать языковые изменения, но и выявить причины, вызывающие их, а понимание причин семантических изменений дает нам возможность заглянуть в будущее современных языков.

В исследовании были использованы следующие методы:

1) метод сбора полевого материала;

- 2) метод синхронного анализа слов;
- 3) метод реконструкции лексико-семантических систем в прасамодийском языке.

Глава 2. Система глаголов перемещения и нахождения в воде в селькупском языке

В настоящей главе рассмотрена система глаголов перемещения в воде в селькупском языке и ее развитие в современных селькупских диалектах. На материале данной лексической группы мы выяснили, как возникают «богатые» системы глаголов плавания, с чем связано появление таких систем и каково может быть их дальнейшее развитие по диалектам.

Н.В. Вострикова выделила следующие параметры, релевантные для селькупских глаголов плавания: тип субъекта (живое существо, лодка, предмет), активное либо пассивное плавание, контролируемое либо неконтролируемое движение судна, направленное либо разнонаправленное движение, с целью либо без цели, движение либо нахождение на поверхности, движение по течению либо против течения, тип водоема (река/ озеро, море/ лужа/ тарелка с супом) [Вострикова 2007: 418-419]. Стоит отметить, что метафорические переходы при использовании глаголов плавания в селькупском языке крайне редки. Был обнаружен лишь семантический переход ‘движение в воде’ > ‘движение в воздухе’ при использовании общего глагола движения сельк. таз. *qenqo*, который может обозначать как движение по воде, так и по воздуху.

Принципиальное отличие южно-селькупской системы глаголов плавания от северно-селькупской заключается в значительно большем количестве глаголов перемещения в воде на плавающих средствах.

В чумьлькупском говоре существует ряд специфичных глаголов, обозначающих движение на лодке: об.ч. *púgu* ‘переправиться (на лодке)’/ *púdešpygu* ‘переправляться (на лодке)’, об.ч. *ándyrgu* ‘плыть на лодке’, об.ч. *túgu* ‘грести на лодке’:

(10) <i>ará</i>	<i>tũ-šp-a</i>	<i>tó-ndoutə</i>
старик	грести на лодке-Dur-3Sg.sub	озеро-Prol

- ‘старик плывет по озеру’ (об.ч.)
- (11) *nada* *tü-gu* *aw* *kyg'e-nd* *pl'eká-nd*
 надо грести-Inf другой река-Lat сторона-Lat
 ‘нужно сплавить на ту сторону реки’ (об.ч.)
- (12) *ará* *ándərc-a*
 старик ехать на лодке-3Sg.sub
 ‘старик едет на лодке’ (об.ч.)
- (13) *urúk* *ħacm'ék* *ándər-gu* *tam*
 очень трудно плыть на лодке-Inf вверх по реке
 ‘очень трудно плыть против течения’ (об.ч.)
- (14) *mat* *púd-ešp-ak* *taw*
 Pron.1Sg переправляться-Dur-1Sg.sub другая
pl'eká-nd
 сторона-Lat
 ‘я плыву на другую сторону’ (об.ч.)
- (15) *ħwak* *tú-l'e-ndə* *tó-l'e-ndə*
 усердно грести-Fut-2Sg.sub приехать-Fut-2Sg.sub
aw *pl'eká-nd*
 другой сторона-Lat
 ‘усердно будешь грести – приплывешь на ту сторону’
 (об.ч.)
- (16) *mat* *kyg-ák* *pénžəl-gu*
 Pron.1Sg хотеть-1Sg.sub сплавить вниз по течению-Inf
na *édə-nd*
 этот деревня-Lat
 ‘я хочу сплавить вниз по течению в эту деревню’ (об.ч.)

Об.ч. *tádərgu* ‘везти’ и об.ч. *üppožəgu* ‘отправиться’, в отличие от вышеперечисленных глаголов движения на лодке, требуют от контекста указания на вид транспорта, на котором совершается движение, так как в чумылькупском говоре данные два глагола могут быть использованы для передачи движения на любом виде транспорта:

(17) *ažá* *tádry-χ-ət* *mášək* *qwac-ónd*
отец нести-Pst1-3Sg.obj Pron.1Sg.Acc город-Lat
andə-χé
лодка-Com
‘отец вез меня в город на лодке’ (об.ч.)

(18) *kybánd* *üppož-ešp-a* *Tópkо-nž*
обласок отправиться-Dur-3Sg.sub Томск-Lat
‘обласок направляется в Томск’ (об.ч.)

В чумылькупском говоре глагол об.ч. *waž-əšpygu* ‘подниматься’ метафорически используется в значении ‘плыть против течения’ как синоним глаголу об.ч. *ciččygu*.

(19) *χacték* *ciččy-gu*
трудно плыть против течения-Inf
‘трудно плыть против течения’ (об.ч.)

(20) *kybánd* *waž-əšp-a* *kyg'é-utə*
обласок подниматься-Dur-3Sg.sub река-Prol
‘обласок поднимается по реке’ (об.ч.)

В северном диалекте лексическую область плавания судов обслуживают в основном глаголы из раздела пассивного плавания, а также общие глаголы движения ‘идти’, ‘приходить’, ‘уходить’ [Вострикова 2007: 415-416]. В то же время в центральных и южных диалектах существует ряд специализированных глаголов, обслуживающих область плавания на судах и лодках.

Из этнографической литературы [Гемуев 2005] известно, что основным промыслом южных селькупов является рыболовство. У северных селькупов оленеводство преобладало над другими видами промысла: рыбалкой, охотой. У южных и центральных селькупов (особенно в местах распространения говора чумылькупов) по сравнению с северными селькупам было более развито передвижение на лодках. Помимо обласка, известного и северным селькупам, у них существовало несколько принципиально иных разновидностей лодок: погребальные лодки *ронтык* (лодка для шаманов, мифологическая лодка мертвых), обнаруженные внизу по течению реки Кенги [Ожередов 2008: 170], крупные дощатые лодки

алаго, позволявшие перемещаться на далекие расстояния и получившие широкое распространение в Нарымском крае; а также берестяные лодки *kw'ešand* [Гемуев 2005: 329].

Для того чтобы проследить причины семантических изменений от прасамодийского языка к современному селькупскому в системе глаголов перемещения в воде, мы реконструировали данную систему для прасамодийского уровня. В результате этимологизации глаголов плавания в ненецком, энецком, нганасанском, маторском, камасинском и селькупском языках был получен следующий корпус прасамодийских лексем, описывающих перемещение по воде (см. Таблицу 1). Стоит отметить, что мы вслед за [Janhunen 1977: 14] не считаем ПС лексемами те случаи, когда лексемы в современных самодийских языках могут быть проинтерпретированы как независимые образования с помощью суффиксов от рефлексов какой-либо прасамодийской основы. Этимологии, при которых в данном списке не даны ссылки на страницу из [Janhunen 1977], предлагаются, насколько нам известно, в настоящей работе впервые, и подробнее разбираются в тексте диссертации. Таким образом, для прасамодийского языка восстанавливается «богатая» в терминологии система глаголов плавания.

Таблица 1. Система глаголов плавания в прасамодийском языке

	Активное плавание	Плавание на лодке	Пассивное плавание	Течение жидкости
Прасамодийский	* <i>kuptǎ-</i> 'выйти на берег (о плывущем человеке, животном)', [Janhunen 1977: 78]	* <i>cicä-</i> 'плыть против течения' [Janhunen 1977: 33] * <i>kǎrǎ-</i> 'пристать к берегу (о судне, лодке)' [Janhunen 1977:	* <i>ku-</i> 'плыть по течению' [Janhunen 1977: 76] * <i>pence-</i> ~ * <i>pencə-</i> 'скользить,	* <i>kəmcǎ-</i> 'лить' [Janhunen 1977: 52] * <i>tesə-</i> 'капать, течь' [Janhunen

	<p><i>*mulV-</i> ‘мытья, плавать’</p> <p><i>*pət-</i> ‘нырять’ [Janhunen 1977: 114]</p> <p><i>*u-</i> ‘плыть, плавать’ [Janhunen 1977: 29; Helinski 1997: 372]</p>	<p>54]</p> <p><i>*solV-</i> ‘черпнуть (о лодке)’</p> <p><i>*toj-</i> ~ <i>*tuj-</i> ‘прибывать, приезжать, приплывать’ [Janhunen 1977: 164]</p> <p><i>*tu-</i> (*<i>tuə-</i>) ‘грести’ [Janhunen 1977: 166]</p> <p><i>*wəje-</i> ‘переправляться (через водоем)’ [Janhunen 1977: 169]</p>	<p>плыть по течению’ [Janhunen 1977: 120]</p> <p><i>*sejǎ-</i> ‘тонуть’ [Janhunen 1977: 138]</p>	<p>1977: 156]</p>
--	--	---	--	-------------------

Обращает на себя внимание большое количество глаголов для описания перемещения на лодке и пассивного плавания.

При развитии прасамодийской системы глаголов плавания к современным самодийским языкам большинство рефлексов сохранили свое прежнее значение. Оказывается, что система глаголов плавания от прасамодийского языка к современным языкам развивалась следующим образом: либо рефлекс слова исчезают, либо они практически точно сохраняют свое значение в языках-потомках.

Однако системы глаголов плавания в современных самодийских языках достаточно сильно структурно различаются. В основном, это связано с инновациями: появлением новых терминов, которые могут быть, во-первых, образованы от прасамодийских слов, которые не описывали плавание (то есть, их рефлексy ни в одном другом самодийском языке не описывают перемещение по воде), во-вторых, вероятно, с заимствованиями.

Итак, на основании собранного и проанализированного нами материала об изменениях систем глаголов плавания от прасамодийского языка к современным самодийским языкам и далее к селькупским говорам можно сделать следующий вывод. Причиной изменения системы глаголов перемещения в воде является изменение способа ведения хозяйства.

Изменения систем глаголов плавания не зависят напрямую от количества рек и озер на территории проживания носителей языка. Водный ландшафт, окружающий северных и южных селькупов, не имеет принципиальных различий. Территории их проживания чрезвычайно богаты озерами, реками, ручьями. Различие основного промысла южных (рыболовство) и северных (оленоводство) селькупов явилось причиной того, что система обозначений перемещения на лодках у северных селькупов стала менее богатой.

Когда мы обращаемся к материалу других самодийских языков, то находим новые подтверждения этой гипотезы. Тундра, в которой живут нганасаны, изобилует реками и озерами. Но из-за климатических условий (водные пространства на Таймыре с октября по июнь покрыты льдом, а в оставшиеся три месяца редко прогреваются настолько, чтобы человек мог войти в воду) способ ведения хозяйства у нганасан практически не связан с водой. Очевидно, в связи с этим в нганасанском языке представлена относительно «бедная» [Гусев 2007] система глаголов плавания.

На примере нганасанского языка очевидно, что система глаголов плавания в языке не зависит напрямую от водного ландшафта и климатических условий, окружающих носителей языка. Решающим фактором, определяющим структуру систем глаголов плавания в рассмотренных языках, является способ ведения хозяйства.

Учитывая весьма ограниченное количество языков, привлеченных нами к анализу, этот вывод имеет предварительный

характер, и должен быть проверен на материале других языков мира.

Глава 3. Система наименований водных пространств в селькупском языке.

Западная Сибирь богата озерами, болотами и реками. Количество озер в тундре и тайге достигает 800 тысяч; на долю болот приходится половина территории, а густота речной сети составляет 350-400 км. на 1000 кв.км. [Головнев 1995: 38]. Этим можно объяснить тот факт, что подавляющее большинство топонимов в селькупском языке составляют именно гидронимы – наименования водных объектов [Кузнецова 1980: 60]. 85% общего числа топонимов в Красноселькупском районе, Ямало-Ненецкий автономный округ (где проживают носители северной ветви диалектов селькупского языка), приходится на гидронимы [Кузнецова 1980: 69]. Анализ селькупских топонимов Томской области, представленных в работе Э.Г. Беккер [Беккер 1965: 180-202], показал, что на территории проживания носителей центральных и южных диалектов селькупского языка доля гидронимов также очень велика и составляет около 80%. В свою очередь, большая часть гидронимов представляет собой наименования рек (около 46%). По многочисленным гидронимам можно, как в зеркале, увидеть ландшафт территории проживания селькупов. Стоит отметить, что существует две группы наименований водных объектов: гидронимы (имена собственные рек, озер и болот) и географические термины (лексическое поле нарицательных наименований водных пространств). Настоящая глава посвящена анализу географических терминов.

В тексте диссертации в таблицах 10-13 представлены названия водных пространств в диалектах селькупского языка (См. текст диссертации: Таблица 10 «Наименования рек в различных диалектах селькупского языка», Таблица 11 «Наименования озер...», Таблица 12 «Наименования болот ...», Таблица 13 «Наименования моря...»). В таблицах использованы следующие источники по диалектам и говорам селькупского языка: Словарь кетского диалекта селькупского языка [Алатало 1998], Селькупско-русский диалектный словарь [Быконя 2005], Очерки по селькупскому языку

(тазовский диалект) [Кузнецова 1980; Казакевич 2002], Словарь тазовского диалекта селькупского языка [Хелимский 2007], полевые записи фондов Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ.

В результате исследования обнаружено, что при обозначении рек для носителей праселькупского языка были значимы следующие их характеристики: являются ли они придаточными или основными, размер, направление течения, его интенсивность, связь с болотами, озерами и другими водоемами, то есть все те параметры, которые обеспечивали успешную промысловую деятельность, а также помогали ориентироваться в пространстве. При анализе наименований рек в селькупском языке можно проследить изменения, произошедшие в селькупских диалектах и говорах после распада праселькупского языка.

В северной группе диалектов и говоров имели место следующие изменения:

1. Были утрачены рефлекс лексем со значением ‘старица’, ‘курья’. Тогда как в южных диалектах есть лексем: об.ч. *кужэре* ~ *куджэрэ* ~ об.с. *кусаре* ~ об.с. *кусере* ~ об.с. *күсэрэ* ~ об.ш. *күжэрэ* ‘курья’, ‘старица’; об.ч., вас. *танқ* ~ кет. *анга* ~ об.с. *анго* ‘старица’.

Отсутствие слов со значением ‘старица’, ‘курья’ у северных селькупов можно объяснить географическими особенностями северного и южного ареала проживания селькупов. Стоит отметить, что реки (р. Тым, Кеть, Васюган, Чижалпа, Парабель) и их притоки, на которых проживают носители южных и центральных диалектов селькупского языка, отличаются извилистостью, что свойственно практически всем равнинным рекам. Речные извилины со временем могут замыкаться, образуя петлю, в результате чего может произойти прорыв перешейка и образование старицы и нового выпрямленного русла. Описанное явление наиболее свойственно южному ареалу и реже встречается в северном ареале проживания селькупов. Кроме того, нельзя забывать, что в южном ареале основным способом передвижения по местности была лодка, в то время как на севере это оленья упряжка. Таким образом, возможно у северных селькупов исчезла необходимость обозначать немногочисленные старицы. Обращает на себя внимание

появившееся в северном диалекте слово таз. *šötta* ‘новое выпрямленное русло’ (отсутствующее в других диалектах и говорах селькупского языка). Оно называет новое русло после отделения старицы, а для обозначения старого используется словосочетание: *mɛntäl'* (~ *mɛntal'*) *qolty* ‘старое русло реки (р. Таз)’ [Хелимский 2007].

Можно также предположить, что реки в южном и северном ареалах проживания селькупов находятся на различных стадиях развития русловых процессов, что, вероятно, и явилось причиной отсутствия в языке северных селькупов особых слов для названия ‘старицы’ и ‘курьи’.

2. Появились названия ‘изгибов реки’: таз. *kol'a* ‘изгиб реки, меандра’ [Кузнецова 1980: 63], ‘изгиб (реки); колесо; круг’ [Хелимский 2007], таз. *kora* ‘изгиб реки, меандра’ [Кузнецова 1980: 63], ‘изгиб, излучина’ [Хелимский 2007], таз. *l'aqqu* ‘петля; изгиб (реки)’ [Хелимский 2007].

3. Произошло изменение значения в слове таз. *qolty*. Оно утратило прежнее значение (р. Обь) и стало нарицательным наименованием любой реки, текущей в море – р. Таз, Енисей и т.д.

4. Лексема в.-таз. *takky* изменила значение ‘на север’ > ‘на запад’ в связи с тем, что течение р. Таз в верховьях направлено на запад.

Однако стоит отметить, что северные говоры и диалекты все же сохранили основные праселькупские географические термины: таз. *kɨ* ‘река’; таз. *qolty* ‘большая, обычно текущая в море река’; таз. *tɛmy* ‘протока’; таз. *unty* ‘ручей’; таз. *takky* ‘вниз (по течению реки), в низовья; на север, (в.-таз.) на запад’; таз. *puryl'ta* ‘быстрое, бурлящее течение; водоворот’; таз. *küny* ‘быстрина, стремнина’; таз. *põry* ‘верховье реки’; таз. *sõl'* ‘устье реки’; таз. *õk (õŋ)* ‘устье (реки)’; таз. *müt* ‘поворот реки’; таз. *qək ~ qəŋ ~ qə* ‘гора, береговой яр’; таз. *qanyŋ (qanyk)* ‘берег’, ‘край’; таз. *üt-tõp* ‘берег (край воды)’; таз. *karrä* ‘вниз (с берега, с горы к реке), (далее) в воду; к очагу, на

огонь; к выходу из чума, на видное место'; таз. *konnä* ~ *konty* 'вверх (на берег, в гору); из воды; вглубь помещения; с очага, от огня'; таз. *ŷly* 'дно', таз. *tēry* 'родник, ключ'.

В южном ареале (в центральных и южных диалектах) также имели место некоторые изменения. В центральных диалектах и говорах было утрачено общеселькупское слово 'родник' (таз. *tēry* ~ об.с. *тэр*), 'устье реки' (таз. *sōl'* ~ кет. *қыққэн сой*). Диалекты и говоры южного ареала сохранили такие общеселькупские, но утраченные в северных диалектах лексемы, как 'исток' (1. вас. *қөдэ* ~ кет. *қөдэ*, 2. об.ч. *қвэж* ~ *қвэдж* ~ тым. *қвэдж* ~ об.с. *қвэш* ~ об.с. *қвэджэ*), 'протока' (об.ч. (?) *каджу* ~ об.ш. *каджу*), 'вверх по реке' (об.ч. *там* ~ кет. *там* ~ об.ш. *там* ~ об.с. *там*), 'старица' (1. об.с. *кусаре* ~ об.с. *кусере* ~ об.с. *күсэрэ* ~ об.ш. *күжэрэ* ~ об.ч. *кужэре* ~ об.ч. *күджэрэ*, 2. об.ч. *танқ* ~ вас. *танқ* ~ об.с. *аңго* ~ *ангу* ~ кет. *анга*), 'развилка, изгиб (реки)' (тым. *джира* ~ кет. *дяра* ~ кет. *қындярга*).

При обозначении озер в селькупском языке релевантными являются следующие признаки: величина озера (большое / маленькое), его форма, а также его постоянное или непостоянное наличие на том или ином месте.

При анализе наименований озер обращают на себя внимание противопоставления:

'озеро' (с.-таз. *tō* ~ в.-таз. *tū* ~ об.ч. *то* ~ *ту* ~ тым. *то* ~ *tō*) vs. 'вытянутое озеро' (таз. *ḡqqu* (*aqqu*) ~ об.ч., тым. *акка*).

Очевидно, что это противопоставление существовали и в праселькупском языке.

В северно-селькупских диалектах также есть противопоставление:

'озеро' (с.-таз. *tō* ~ в.-таз. *tū*, таз. *ḡqqu* (*aqqu*)) vs. 'маленькое озеро' (таз. *саqu* 'маленькое озеро, озерко'; таз. *laša*, *ūtyl'laša* 'небольшое озерко, лужа'; таз. *tapša* 'лужа, маленькое озерко');

В диалектах южного ареала:

‘озеро’ (об., кет, вас., тым. *то* ~ *тō* ‘озеро’) vs. ‘большое озеро’ (об.ч. *чвор* ~ вас. *чъвор* ~ тым. *чъвэр* ~ кет. *чвор* ~ об.ш. *чвор*);

Интересно, что в северном диалекте отсутствуют рефлекс лексемы об.ч. *чвор* ~ вас. *чъвор* ~ тым. *чъвэр* ~ кет. *чвор* ~ об.ш. *чвор* и отдельное наименование для ‘большого озера’ вообще, так как чворы являются характерной особенностью долины реки Обь, то есть ареала проживания носителей южных и центральных диалектов. Возможно, отсутствие в северном диалекте селькупского языка наименования для большого озера и существование набора синонимов для наименования маленького озерца объясняются тем, что на территории среднего течения реки Таз можно наблюдать большое количество средних по величине озер (не более 2 км в диаметре), равномерно распределенных по территории; в верховьях Таза озера встречаются реже. Регион лесотундры, в котором проживают носители северного диалекта селькупского языка, отличается обилием озер, которые местами покрывают до 60 % поверхности территории. В противоположность этому, южный ареал не так густо покрыт озерами, и становится заметен контраст между маленькими (менее 2 км в диаметре) и очень большими озерами (более 2 км в диаметре).

Для праселькупского языка должны восстанавливаться следующие названия озер:

1. ‘болотце, озерце, лужа’: таз. *саду* ~ ел. *чяк* ~ тур. *чягыль* ~ об. ч. *чагый* ~ вас. *чяка* ~ тым. *чякка* ~ кет. *тяккэ* ~ об.ш. *чаге* ~ *чяге* < ПС **жкă* ‘река’ [Janhunen 1977: 35];

2. ‘озеро’: об., кет, вас., тым. *то* ~ *тō* ‘озеро’, с.-таз. *тō*, в.-таз. *тū* < ПС **to* ‘озеро’ [Janhunen 1977: 164];

3. ‘большое длинное вытянутое озеро’: таз. *якку* (*акку*), об.ч. *акка*, тым. *акка*.

4. ‘большое озеро с истоком’: об.ч. *чвор* ~ вас. *чъвор* ~ тым. *чъвэр* ~ кет. *чвор* ~ об.ш. *чвор*.

Географических терминов, называющих болота, в селькупском языке сравнительно немного. Меньшее их количество (по сравнению с терминами, обозначающими озера и реки) при значительном числе заболоченных мест объясняется, вероятно, тем, что болота не имели такого хозяйственного значения, как реки и озера. Однако и для описания заболоченной местности в селькупском языке существует целый ряд лексем, обозначающих различную степень заболоченности и виды заболоченных территорий.

Для праселькупского языка должны быть реконструированы следующие названия 'болот':

1. 'болото, тундра': об., вас, тым. *няр* ~ кет. *нярры* ~ *няррэ* 'болото', 'тундра' ~ в.-таз. *ńari* ~ с.-таз. *ńary* < ПС **ńarз* 'болото' [Helimski Marginalia ad UEW: №646];

2. 'трясина': таз. *lympä*, *lympäl'tetty* ~ вас. *лэмба* ~ *лэмбэ* ~ кет. *лымбэ* ~ об.ч. *лымбэль* ~ ел. *лымба* < ПС **lympä* 'быть заболоченным' [Janhunen 1977: 83];

3. 'безлесное болото с водой': об.ч., об.с., об.ш., вас. *понж* ~ кет. *понжа* ~ *понжэ* ~ *понжя* < ПС **pončə* ~ *ponžə* 'чистое болото, свободное от древесной растительности' [Хелимский 1983; Аникин 2000: 453].

Таз. *qõlty* 'клин тундры среди леса' ~ кет. *kal'že* ~ об.с. *kalžə* ~ об.ш. *kalž*. 'кочка, топкое место с кочками', вероятно, в праселькупском языке не являлось наименованием 'болота',

Обилие наименований болот в диалектах южного ареала, которые не имеют этимологических аналогов в северных и центральных диалектах селькупского языка (см. Таблицу 12 в тексте диссертации), объясняется тем, что данная территория (в особенности Васюганье, Нарым, Сургутское Полесье) характеризуется высокой степенью заболоченности (до 70% территории), в отличие от степени заболоченности по всей Западной Сибири (в среднем 50%) [Головнев 1995: 41].

Таким образом, для праселькупского языка при описании болот было релевантно следующее противопоставление: 'болото' vs.

‘трясина’ vs. ‘безлесное болото с водой’. Интересно, что в южных диалектах появляется еще один член противопоставления ‘болото с деревьями’, ср. кет. *тассан* ‘болотишко с низким березняком’, об.с. *kalžezan* ‘сырое, топкое место, лесом обросло, лошадь туда не пойдет’. А в северном диалекте, наоборот, исчезает третий член праселькупского противопоставления ‘безлесное болото с водой’, потому что оно было не свойственно региону лесотундры с его редколесьем, в котором проживают представители селькупских диалектов северного ареала.

Интересен тот факт, что, кроме наименований ‘рек’, ‘озер’, ‘болот’, в селькупском языке есть слова, обозначающие ‘море’. Однако для селькупов море не относится к миру реальному, оно – часть мира потустороннего, а ‘край моря’, то, что ‘за морем’, находится еще в более дальнем мифологическом пространстве [Тучкова 2004: 76].

Слово *морэ* заимствовано из русского языка, а слово *тазы* произошло от наименования одной из крупнейших рек северного ареала проживания селькупов – реки Таз. Селькупы проживают на реке Таз несколько столетий, поэтому, вероятнее всего, слово *тазы* также не принадлежит исконной лексике селькупского языка. Стоит отметить, что в «Диалектном селькупско-русском словаре» под редакцией В.В. Быконя представлена лексема кет. *няссы* ‘море’ [Быконя 2005: 162], этимология этого слова неизвестна. Однако его отсутствие в других диалектах указывает на то, что данное слово, возможно, было заимствовано. Кроме того, в тазовском диалекте селькупского языка есть слово таз. *cāntys, cāsy* ‘море, морской залив’ [Казакевич 2002: 25]. Это рефлекс ПС **jäntəs* ‘Енисей’ [Хелимский 2000: 18]. Таким образом, названия ‘моря’ в селькупских диалектах являются либо заимствованием, либо образованы от названий рек Енисей и Таз. Отсутствие праселькупского слова для обозначения ‘моря’ свидетельствует о том, что селькупы не жили вблизи моря.

В результате анализа географических терминов селькупского языка становится очевидным, что система наименований водных

пространств в селькупском языке находится в прямой зависимости от природного окружения носителей языка. В северных диалектах и говорах произошел ряд изменений с момента их отделения от южных и центральных. В северных диалектах утрачены наименования ‘старицы’, ‘курьи’, ‘большого озера (чвора)’ и ‘безлесного болота с водой’, что, как было показано выше, связано с особенностями ландшафта и климата лесотундры на севере. Все перечисленные явления являются характерной особенностью долин р. Обь и не выражены так отчетливо на севере. Однако основной состав лексики, описывающий водоемы, сохранился во всех диалектах селькупского языка, вероятно, в связи с тем, что принципиального изменения ландшафта при миграциях носителей отдельных диалектов не происходило.

Таким образом, в прасамодийском языке реконструируется следующая система наименований водных пространств:

Таблица 2. Прасамодийские наименования водоемов

Озеро	Река	Болото	Море
* <i>to</i> ‘озеро’	* <i>jəka</i> ‘река’	* <i>ńərz</i> ‘болото’	* <i>jäm</i> ‘море’
	* <i>ki</i> ‘(быстрое) движение воды в реке’	* <i>lįmpā</i> ‘трясина’	
		* <i>kətV</i> ‘некоторое низменное место’	

О важности роли водоемов в жизни прасамодийцев говорит сохранность ключевых терминов **to* ‘озеро’, **jəka* ‘река’, **ńərz* ‘болото’ в большинстве самодийских языков. Наличие ряда синонимов со значением ‘болото, топкое место’ говорит о том, что самодийцы жили на болотистой территории.

Вывод о важности роли водоемов в жизни самодийцев согласуется с гипотезой, о том, что плавание на лодке (обласке и т.п.) было основным способом передвижения самодийцев по местности (см. подробнее Главу 2).

Обращает на себя внимание тот факт, что в прасамодийской системе названий водных пространств присутствует лексема ‘море’.

Как указывается в [Аникин, Хелимский 2007], ПС **jam* ‘море’ **jän* в [Janhunen 1977: 40] < ПТМ **lāmi* ‘море (Байкал)’, ср. эвенк. *лāму* П-Т, Алд, Брг, Д, Н, Нак, Нрч, С, С-Б, Тнг, Урм, Учр, *лām* А, М, Сх, Учр, Чмк, *лāmэ* С-Б, Учр ‘море’, ‘название оз. Байкал’, эвен. *нām* Ол, Алл, Б, К-О, М, Ох, П, Ск, *лām(a)* Арм, уд., маньчж. *наму* и др. ‘море, океан’ [EDAL 866—867; ТМС I: 490—491] ~ ПМонг. **namig* ‘болото’ < ? ностр. **Lahmlul* ‘то же’ [ОСНЯ 2: 29-30, № 263].

Несмотря на то, что это было заимствованием из тунгусо-маньчжурских языков, нельзя отрицать, что причиной заимствования стала необходимость наименования реалии окружающего мира. Следовательно, нельзя исключить, что прародина самодийцев располагалась не только в треугольнике «Томск-Красноярск-Енисейск», но и выходила за границы данной территории. Возможно, границы могли распространиться широко до моря, либо какого-то большого водного пространства, у которого не виден противоположный берег. Е.А. Хелимский предложил идентифицировать самодийцев с населением кулайской культуры в Среднем Приобье, с одной стороны, и, с другой стороны, с населением тагарской культуры в Минусинской котловине [Хелимский 2000]. Однако до сегодняшнего дня вопрос о принадлежности самодийцев той или иной культуре остается открытым.

Основные результаты:

В настоящей диссертации были рассмотрены наименования водных пространств и способов передвижения по воде в селькупском языке. В рамках исследования собран и зафиксирован полевой материал по чумылькупскому говору нарымского диалекта селькупского языка.

В результате проведенного анализа видно, что селькупский язык характеризуется весьма разработанной, «богатой», системой глаголов перемещения по водным пространствам, а также удивительным разнообразием наименований водных пространств.

Эти системы в южных, центральных и северных диалектах имеют важные отличия. При сравнении красноселькупского и чумылькупского говоров селькупского языка видно, что в чумылькупском говоре, принадлежащем селькупским диалектам южного ареала, значительно более разработанная система глаголов перемещения в воде на плавающих средствах, чем в красноселькупском говоре, принадлежащем северному диалекту селькупского языка.

Анализ лексического поля водных пространств показывает, что в северных диалектах по сравнению с южными утрачены наименования стариц, истоков, а также наименования чворов и болот с растительностью (с деревьями).

Как было показано, данные различия связаны, во-первых, с различным способом ведения хозяйства у северных и южных селькупов. Из этнографической литературы [Гемуев 2005] известно, что у южных селькупов (особенно в местах распространения говора чумылькупов) по сравнению с северными селькупам было более развито рыболовство и связанное с ним передвижение на лодках. Помимо обласка, известного и северным селькупам, у них существовали несколько принципиально иных разновидностей лодок: погребальные лодки *ронтык* (лодка для шаманов, мифологическая лодка мертвых), обнаруженные внизу по течению реки Кенги [Ожередов 2008: 170], крупные дощатые лодки алаго, позволявшие перемещаться на далекие расстояния и получившие широкое распространение в Нарымском крае; а также берестяные лодки *kw'ešand* [Гемуев 2005: 329].

Во-вторых, различия связаны с особенностями природного ландшафта, окружавшего северных и южных селькупов. Старицы, чворы и болота с растительностью (с деревьями) являются характерной особенностью долин р. Обь и не так часто встречаются в областях проживания северных селькупов.

Нами было показано, что праселькупская система наименований водных пространств и глаголов перемещения по воде близка южно- и центрально-селькупской. Это является еще одним доказательством того, что праселькупы жили на территориях,

которые в настоящее время занимают южные и центральные селькупы.

В диссертации был прослежен генезис праселькупской системы из прасамодийской. Прасамодийскую систему глаголов плавания также можно назвать «богатой». Основными противопоставлениями в ней являются противопоставления между активным и пассивным плаванием, а также между плаванием на судне и передвижением вплавь. Прасамодийскую систему отличает широкий спектр значений пассивного плавания. Однако наиболее многочисленной в прасамодийском языке оказалась группа глаголов, обозначающих плавание на лодке. Рефлексы прасамодийского глагола передвижения на лодке, образованного от существительного со значением 'лодка', сохранились во всех самодийских языках. Данный факт позволяет определить важность передвижения на плавательных средствах для представителей прасамодийской общности.

В результате анализа географических терминов всех самодийских языков удалось реконструировать систему наименований водных пространств в прасамодийском языке. Интересно, что для прасамодийского языка восстанавливается лексема **jäm* 'море', заимствованная из пратунгусоманьчжурского языка. Относительно хорошая сохранность этой лексемы в современных самодийских языках (ненецком, нганасанском и камасинском), скорее, свидетельствует в пользу того, что самодийская прародина охватывала и морское побережье. Тщательный анализ свидетельств, собранных Е.А. Хелимским в пользу локализации прародины вокруг треугольника «Томск-Красноярск-Енисейск», показал, что территория, занимаемая прасамодийцами, могла быть гораздо шире и простирались далеко на север. Таким образом, оказывается, что реконструкция прасамодийской системы названий водных пространств позволяет уточнить наши знания о локализации самодийской прародины.

В заключении хочется подчеркнуть, что проведенный нами анализ является доказательством зависимости семантических изменений в системе наименований водных пространств и глаголов перемещения по воде от двух экстралингвистических факторов:

- 1) природное окружение;
- 2) способ ведения хозяйства носителей языка.

Конечно, необходима дальнейшая верификация полученных результатов на материале этих лексических систем в других языках мира.

Основные результаты данной работы отражены в следующих публикациях:

В издании, рекомендованном ВАК для публикации результатов докторских и кандидатских исследований:

1. О гидронимической картине мира селькупов // Вестник Томского государственного университета. № 313. Август 2008. – С. 17-21.

2. Некоторые причины семантических изменений (на материале генезиса и развития системы глаголов плавания в селькупском языке) // «Вопросы филологии: серия Урало-алтайские исследования», 2009. №1/ УА(31)2009. – С. 49-60. (Соавтор: Ю.В. Норманская)

3. Особенности обозначения водных объектов в селькупском языке // Вестник Томского государственного университета, 2009. № 328. – С. 7-12. (Соавтор: Н.С. Жукова)

В других изданиях:

4. Категоризация как основной процесс когниции // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / Гл. ред. С.А. Песоцкая. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2006. – С. 133-139.

5. Лексические средства выражения концепта «Вода» в селькупском языке // V Международная научно-практическая конференция «Прикладная филология и инженерное образование» (6-9 февраля 2007 г.). – Томск: Томский политехнический университет, 2007. – С. 434-441.

6. Гидронимы как отражение концептуальной картины мира селькупов // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / Гл. ред. С.А. Песоцкая. – Томск:

Издательство Томского политехнического университета, 2008. – С. 164-171.

7. О дробности классификации глагола *плыть* в селькупском языке // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Материалы международной конференции XXV-е Дульзонские Чтения. Томск: «Ветер», 2008. – С. 54-59.

8. Происхождение и история наименований водоемов в селькупском языке // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых / гл. ред. С.А. Песоцкая. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009.